

От украинского *втиклы*, до русского *нэ доби́гли* (о современном состоянии кубанских говоров с украинской языковой основой)

Ольга Геннадьевна Борисова¹, Людмила Юрьевна Костина²,
Кубанский государственный университет (Россия, Краснодар), teliautom@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170009245-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается современная языковая ситуация в станицах и хуторах Краснодарского края, где исторически складывались кубанские говоры с украинской языковой основой. Источником наблюдений послужили в основном сведения, собранные авторами в ходе полевых экспедиций 2005–2018 гг., а также данные региональных словарей, отражающих диалектную лексику и фразеологию Кубани. Иллюстративный материал, представляющий собой фрагменты речи диалектоносителей, подается способом малограмотного письма, отражающим специфические особенности местной огласовки. Показываются результаты влияния русского литературного языка на кубанские говоры с украинской языковой основой, отдаленные от материнского языка во времени и пространстве. Обосновывается определяющая современное состояние кубанского диалекта тенденция, которая заключается в постепенном распространении русских литературных грамматических, фонетических и лексических элементов. Подтверждаются относительная устойчивость диалектной фонетики и грамматики и динамичность лексики. Сделанные выводы учитывают отношение сельских жителей к своему материнскому

языку и к русскому литературному, а также языковую рефлексия диалектоносителей, проявляющуюся в оценке собственной речи, в которой смешиваются украинский и русский языки. Проводится лингвистический анализ диалектных единиц, содержащих в своем значении сему 'говорение', раскрываются их эмоционально-оценочные характеристики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кубанские говоры, смешение говоров, устойчивость и изменчивость говоров на разных языковых уровнях

для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. От украинского *втикли*, до русского *нэ добигли* (о современном состоянии кубанских говоров с украинской языковой основой) // Русская речь. 2020. № 2. С. 7–17. DOI: 10.31857/S013161170009245-8.

Issues of Modern Russian Language

Stuck Halfway Between Ukrainian and Russian (On Modern State of Kuban Region Subdialects with Ukrainian Language Base)

Olga G. Borisova¹, Lyudmila Yu. Kostina², Kuban State University (Russia, Krasnodar),
leliastom@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

ABSTRACT: This article examines modern state of language in stanitsas and khutors of Krasnodar region, where Kuban subdialects have been historically evolving from a Ukrainian base. Primary sources of examination are mostly data collected by the authors in the course of 2005–2018 field expeditions, as well as data from regional dictionaries containing subdialect vocabulary and phraseology of Kuban region. The article presents fragments of subdialect carriers' speech in a form of illiterate letter reflecting

special features of local vocalization. It demonstrates the effect of Russian literary language influence on Kuban subdialects, which have the Ukrainian base and which are distant from their mother tongue both in time and in space. The article substantiates a tendency that defines the modern state of Kuban subdialect — the gradual spread of grammatical, phonetical and lexical elements of Russian literary language. It proves relative stability of dialect phonetics and grammar, as well as lexical flexibility. The conclusions reached in the article take into account the attitude of villagers towards their mother tongue and to Russian literary language, as well as linguistic reflection, which manifests in evaluation of their own speech with its mixture of Ukrainian and Russian languages. The article provides a linguistic analysis of dialect units containing the “speech” seme in their meaning, discloses their emotional and evaluative characteristics.

KEYWORDS: Kuban subdialects, subdialect mixture, stability and fluidity of subdialects at different language levels

FOR CITATION: Borisova O. G., Kostina L. Yu. Stuck Halfway Between Ukrainian and Russian (On Modern State of Kuban Region Subdialects with Ukrainian Language Base). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 7–17. DOI: 10.31857/S013161170009245-8.

«*В*от так мы и кáжэмо: от укрáинского втиклý, до рýсского нэ доби́глы» — этой ироничной фразой характеризуют свою речь сельские жители Краснодарского края, говор которых имеет украинскую языковую основу. Кубань — уникальный регион, где исторически складывались говоры с двумя языковыми основами: украинской и южнорусской, что обусловлено историей заселения региона. Сюда с конца XVIII столетия для службы и освоения свободных земель переселялись запорожские и донские казаки, а также крестьяне из южнорусских и украинских губерний. Взаимодействие украинской и южнорусской этнографических групп — черноморского и линейного казачества, а также образование в 1860 году Кубанской области и Кубанского казачьего войска привели к возникновению особого субэтноса — кубанского казачества. В послереволюционные годы, как отмечают историки и этнографы, казачество утратило ряд важных признаков субэтноса, превратившись в этнографическую группу русского народа [Бондарь 1990: 140]. Современные жители Кубани также в большинстве своем считают себя русскими.

Что касается местного диалекта, то говоры с разными языковыми основами смешивались. На этот факт обращали внимание краеведы еще во второй половине XIX в. Так, в 1897 г. Л. А. Апостолов писал: «Язык Кубанской области довольно своеобразный. Малорусское наречие даже в наиболее однородных станицах подвергалось значительному влиянию великорусского, приняв туда много оборотов и слов...» [Чистов (отв. ред.) 1967: 37–38]. Действительно, отдаленные от материнского языка во времени и пространстве кубанские говоры с украинской языковой основой испытывают мощное влияние русского языка. Осознавая смешанность в своей речи украинских и русских черт, сами носители говоров называют себя *перевёртнями*: *Якы́ ж мы украї́нцы, мы такó... пэрэвэ́ртынь* (ст-ца Ахтанизовская). В селе Ейское Укрепление, говор которого имеет южнорусскую языковую основу в отличие от говоров соседних населенных пунктов Щербиновского района, где бытуют кубанские говоры с украинской языковой основой, записан локализм *пополáшник*: *Я папалáшник: атéц — с Ей-Укряплéния, а матъ с Никалáивки*. Признавая себя *пополáшником*, информант обращает внимание на то, что на его речь повлияли говоры родителей, имеющие разную языковую основу. «Словарь русских народных говоров» приводит однокоренное прилагательное *пополáшный*, зарегистрированное на Дону: '1. Поделенный пополам, на двоих. 2. Смешанный пополам с чем-л.' [Сороколетов (гл. ред.) 1995: 329].

Традиционно местные говоры с украинской языковой основой на Кубани называют *балáчкой*. Слово образовано от общеславянского глагола *балáкать*, который, по мнению Н. М. Шанского, представляет собой суффиксальное производное от *балáка* 'болтун(ья)' (от *бал* 'разговор, болтовня' + суффикс -АК(А)) [Шанский, Боброва 2000; см. также Фасмер 1996: 112]. Существительные *бал*, *балы* и в наши дни известны в других славянских языках и диалектах. В украинском языке *балáкать* означает 'разг. говорить, разговаривать, беседовать; разг. толковать; фам. калякать (с кем-л.); разг. болтать' [Ивакин (ред.) 2004: 19]. В русских говорах слово имеет два значения: '1. Говорить хорошо, толково, правильно (о грамотных людях). 2. Говорить непонятно, неразборчиво' [Филин (гл. ред.) 1966: 70]. На Кубани глагол *балáкать*, помимо 'говорить, болтать', означает также 'говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой'. Беседуя с информантами, мы обратили внимание на то, что во втором (собственно кубанском) значении глагол *балáкать*, как и однокоренные существительные *балáчка*, *балáканье*, обладает разной оценочной характеристикой. Как правило, пренебрежительный оттенок эти слова имеют в кубанских станицах, где складывались кубанские говоры с южнорусской языковой основой. Местная *балáчка* и у жителей черноморских станиц также может ассоциироваться с неграмотной, некультурной речью.

Показательно признание жительницы ст-цы Марьянской Лубенец Н. В., 1940 г. р.: *Мы да́жэ ино́й раз поё́дым у Краснода́р, та́мо бала́каю. Го́споди! Чё ж я бала́каю, на́до ж разгово́ривать*. Однако в большей части отношение к своему диалекту почтительное: *Мы бала́каим, и бу́дэ цэ́й разгово́р, нэ умрэ́* (ст-ца Канеловская). *Я бала́каю. А мне нра́выцца э́тат разгаво́р. Ньюобы́чный. И гара́цкіе инагда́ ф сваі слава́ ужэ́ на́шы слава́ фстваля́ють* (ст-ца Медведовская). *Наиш разгово́р, вин са́мый лу́чшы́й* (ст-ца Копанская). Записаны также многочисленные высказывания, в которых носители диалекта с сожалением признают, что молодежь отходит от материнского языка: *Сича́с ужэ́ отпада́е бала́канье. От пі́сни — э́то на́шэ. Стихі́я...* (ст-ца Нововеличковская). *Ді́ты на́шы нэ бала́каю́ть, ужэ́ разгово́риваю́т* (ст-ца Старотитаровская).

Широко распространено в крае наречие *по-хохо́льски(ы)*, означающее ‘с выговором, характерным для кубанского говора с украинской языковой основой’. Подчеркнем, что *хохля́ми* в Краснодарском крае называют не украинцев, а коренных кубанцев, говор которых имеет украинскую языковую основу. В аналогичном значении на Кубани широко бытует фразеологизм *хохо́л рі́заний*: *Пиді́ до ді́да Супо́ни, вин роска́жэ, вин жэ́ хохо́л рі́заний, коза́к* (ст-ца Старомышастовская). Словарь «Русский говор Кубани» регистрирует также однокоренной глагол *хохля́ть* ‘говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой’: *Па́па, ты хоть на лю́дях ни хахля́й* (хут. Александровский) [Шейнина, Тарасенкова (ред.) 1992: 375].

Глаголам *бала́кать* и *хохля́ть* в местных говорах противопоставлены структурные варианты *разговора́ри(ы)вать/разговора́рювать* ‘говорить на русском литературном языке, без характерного местного выговора’: *А цэ́ як у санато́рии була́: сидю́ за сто́лом и мовчу́. Минé ты́дно: оні́ ж разгово́риваю́т, а я бала́каю* (ст-ца Новомышастовская). *В нас ді́ты то́жэ усі́ разгово́рюваю́ть, а я бала́каю. Я нэ мо́жу вжэ́ по-друго́му* (ст-ца Киевская). *Та та́к жы́ и полу́ча́ицца, шо́ ф шко́ли уну́к разгово́рюе, а до́ма вин бала́кае. Вони́ фсе: и бала́каю́т, и разгово́риваю́т* (ст-ца Сергиевская).

Обращает на себя внимание, что многие информанты, особенно люди старшего поколения, воспринимают русский литературный язык как язык искусственный, манерный и претенциозный. С литературной речью связывается на Кубани произношение звука [г] взрывного образования в отличие от [γ] фрикативного¹, присущего членам данного диалектного сообщества. Отсюда выражения *говори́ть на «г» / разгово́ривать на «г»*

¹ Для носителей кубанских говоров с украинской языковой основой характерно фрикативное γ. Фарингальное h встречается в их речи спорадически (например, в вопросительной частице ha). Добавим, что «впечатления, получаемые от γ и h, поскольку оба они являются фрикативными согласными, довольно близки друг другу, и надо иметь достаточно натренированное ухо, чтобы их различить» [Кузнецов 1960: 34].

‘произносить «г-взрывное»’ (ср. с донским *бить на «г»* в аналогичном значении [Дегтярев (ред.) 2003: 46]). «Литературное» [г] часто вызывает иронию и насмешку у носителей диалекта. Приведем диалог собирателя с информантом: — А какая дразнилка была для тех, кто по-русски разговаривал? — *Ну кацапы. А ищѣ дразнілка така́я былá: гўси гогбчут, гóрот горіт, вс́якая гáдость на «гэ» говоріт. Говоріть на «гэ» — по-ру́сски значит* (ст-ца Гривенская). В этой дразнилке раскрывается образная основа бытующего на Кубани глагола *гоготáть* ‘говорить на русском литературном языке, произносить взрывное [г]’: *Вин* (речь идет о муже) *разгавáривав, с армии пришóв и так вин разгавáривав. А я балáкала, я нэ прывы́кла гáгáтáть* (аул Хатукай).

В кубанских говорах широко бытуют также глагол *што́кать* (ср. с донским *бить на что* [Маслов 2007]) и образованное от него существительное *што́калка*, высмеивающие правильную, литературную речь: *Прыйй́хала што́калка з гóроду, хóдэ тай што́кае* (ст-ца Азовская). Яркая особенность местного произношения, отличающая его от литературной нормы, актуализируется в глаголе *шо́кать* ‘говорить на местном диалекте, с диалектной фонетикой’: *Мы тада́ ни гавары́ли, мы балáкали: шо. Ё́сли хто с пры-е́жжых ста́нит гавары́ть па-ру́сски, мы смия́лись с них: гарацкі́е што́кают, а мы шо́каим, а аны́ што́кают* (ст-ца Копанская).

Между тем сами диалектоносители признают: их говор размывается под влиянием русского литературного языка. Осознание ими этого неизбежного процесса проявляется в бытующих присказках, включающих диалектно-литературные эквиваленты, отражающие смешение кубанских говоров на лексическом уровне и демонстрирующие шутовское отношение к своей смешанной речи: *кажу́ — говорю, лё́зла по лё́стнице — упáла с драбы́ны, ваш топо́р нашу сокы́ру попёр, лентя́й багла́я с кру́чи спихну́л*. Не случайно местные жители называют кубанский диалект, совмещающий украинско-русские черты, *ре́[э]паны́й язы́к*. Показательны и выражения *налома́ть язы́к, переверну́ть язы́к, подхвата́ть язы́к* ‘научиться говорить на русском литературном языке’: *В а́рмии я язы́к наломáл* (ст-ца Ахтанизовская). *Сын па-ру́сски, а я ужэ́ нэ пэрэвэрну́ язы́к* (ст-ца Нижегородская). *Я тро́шки у го́ради патхваты́в язы́ка* (ст-ца Бородинская). Значение ‘овладеть русским литературным языком’ актуализируют также глаголы *вы́гавката́сь, переверну́ться, перевесты́сь*: — Вы балакаете? — *Та нет, мы ужэ́ вы́гавкали́сь* (ст-ца Копанская). *Ді́ты на́шы нэ балáкають, ужэ́ разгавáривают, и мы тро́шки пэрэвэрну́лись* (ст-ца Старотитаровская). *Ужэ́ на́шы уну́кы нэ балáкають. А мы нэ пэрэвылы́сь ще* (ст-ца Старотитаровская). У глагола *переверну́ться* зафиксировано энантиосемичное значение ‘перейти с разговорного русского литературного языка на местный диалект’: *Тут хахлы́, и я пи́ривирну́лась* (хут. Саньков).

Размывание материнской основы кубанских говоров в разной степени происходит на всех языковых уровнях. Наглядными результатами этого процесса являются слова-«гибриды», включающие в себя русский и украинский аффиксы (происхождение корневой морфемы может быть различным). См., напр.: *поди́укувать* ‘подыскивать’ (русская приставка ПОД- и украинский суффикс -УВА(ТЬ)): *Я стал пати́укувать нивéсту* (ст-ца Бородинская); *раскуштува́ть* ‘распробовать, отведать’ (русская приставка РАС- и украинский суффикс -УВА(ТЬ)): *Ну шо? Раскуштува́лы мий борц? Га́рний?* (ст-ца Новотитаровская); *роска́чивать* (украинская приставка РОС- и русский суффикс -ИВА(ТЬ)): *Сэ́стра́ (йи бу́ло пять годі́в) ста́ла ло́тку роска́чивать, и ло́тка пэ́рэви́рну́лась на сэ́рэды́ни рі́чки* (ст-ца Новомалороссийская) и др.

Влияние русского языка проявляется и в том, что носители кубанских говоров с украинской языковой основой параллельно с украинскими активно используют и русифицированные формы. В подтверждение приведем иллюстрации из «Опыта словаря кубанских говоров» [Борисова 2018], записанные в населенных пунктах, где исторически складывались кубанские говоры с украинской языковой основой: *ба́тьки(о)ви́ці́на* ‘1) Родина; 2) наследство’: *На́до на ба́тькиви́ці́ну сэ́зды́ть* (с. Шабельское). *Ха́ту брат про́дал, на́шу ба́тькови́ці́ну* (с. Новопавловка); *пи(о)дсу́лок* ‘судак небольшого размера’: *Ма́лэ́нький су́да́к — це́ пи́дсу́лок* (ст-ца Елизаветинская). *А у́трам адні́ патсу́лки ла́ви́лись* (ст-ца Бородинская); *ро(а)спы́ться* ‘спиться’: *Муш роспы́вся по-стра́шному. А я тырпі́ла. Од дурна́ бу́ла!* (ст-ца Вышестеблиевская). *Мужы́кі распы́лись* (ст-ца Новотитаровская); *свашку(о)ва́ть* ‘быть свашкой на свадьбе’: *Вона́ свашкува́ла у́ їх на сва́йби* (ст-ца Марьянская). *Є́сли я сва́шка, є́сли я ба́русь свашковáть, то я иду́ помога́ть гото́вить* (ст-ца Ясенская); *з(с)ва́жить* ‘взвесить на весах’: *Зва́ш міні́ пилки́ла са́харю* (ст-ца Старомышастовская). *Купы́в колбасы́ в магази́ни, сва́жив до́ма, а вона́ є́го обду́ры́ла, ста́рого: бі́льшы гро́щив взя́ла* (ст-ца Марьянская).

Фонетическая система кубанских говоров с украинской языковой основой, безусловно, подвергается трансформациям под воздействием русского языка. Так, в речи носителей кубанских говоров с украинской языковой основой происходит ослабление позиций оканья в пользу аканья, наблюдаются редукция гласных, переход [э] в [о] под ударением перед твердым согласным, оглушение парных звонких согласных в слабых позициях, отверждение мягкого [ц'] и др. Между тем многие материнские фонетические черты (произношение [и] на месте этимологического ятя, отверждение парных по твердости/мягкости согласных перед гласными переднего ряда, произнесение губно-губного [w] на месте согласного [л] в конце глагольных форм прошедшего времени мужского рода ед. ч.

и др.) проявляют поразительную устойчивость. По характерной местной огласовке можно безошибочно узнать носителя кубанских говоров с украинской языковой основой. Коренные кубанцы шутят: *А шоб прові́рить людýну: хохо́л (куба́нэць) вин чи ни, попроси́ть ёго сказа́ть: «На по́лиці лэжи́ть паляни́ця».*

Грамматическая система кубанских говоров с украинской языковой основой также размывается под влиянием русского языка. Нечастотность, малопродуктивность отдельных грамматических форм приводит к их неизбежному устареванию. Так, архаическими являются украинские окончания существительных дательного и предложного падежей мн. ч. -ОВИ, -ЕВИ, встречающиеся у небольшого круга существительных в речи представителей старшего поколения (к *бра́тови, при ба́тькови, де́дови, сы́нови, на ду́бови, по хлі́бови* и др.). В разряд архаичных перешло характерное для украинского языка чередование заднеязычных согласных звуков [г], [к], [х] со свистящими [з], [ц], [с] в позиции перед [е], [и] в формах существительных дательного и предложного падежей ед. ч., что фиксируется только у пожилых диалектоносителей (к *саба́це, поро́зи, в па́зуси, в Темрю́ці* и др.). В полной мере процесс архаизации коснулся звательной формы, которая спорадически отмечается у одушевленных имен существительных (*Га́лю, ма́мо* и др.).

Однако в большинстве своем грамматические черты обнаруживают заметную стабильность, сосуществуя с русскими литературными вариантами даже в пределах одного высказывания. См., например, флексии -ИВ/-ОВ в существительных родительного падежа мн. ч.: *Як началась сове́чка вла́сть, так йих прыжа́лы: и казаки́в, и чирке́сов* (ст-ца Елизаветинская); [т'] / отсутствие конечного [т] / [т] в окончаниях глаголов 3-го л. изъявительного наклонения: *Чирэда́ прýмо бижа́йт на мэ́нэ: буга́й спэ́рэди и коро́вы. И буча́ть. Буча́т, ну рыву́ть: Бу... Ду́маю: нава́рно волк* (ст-ца Ольгинская). *Му́зыка гра́е, и оца́ пи́сня, так вона́ мине́ шку́ру знима́е: «Хай Русь благо́родна фскипа́е, как волна́»* (ст-ца Бородинская). *Та то́ ж тыля́чи зу́би, враз повыпада́ют, бу́дуть други́, но́ви* (ст-ца Петровская); флексии -ИМО (-ЕМО) / -ИМ (-ЕМ) в формах глагола 1-го л. мн. ч.: *Булó, коро́ву па-сэ́м, пи́дросткамы, у пи́джмурка гуля́им, мак йи́мо, на дэ́риво ла́зым — клей йи́мо* (ст-ца Дядьковская); формы инфинитива на -ТЬ/-ТЬ: *От пи́шла́ я на горóт тра́ву рва́ты, чу́ю: шось у ро́ти сквозня́к. Ма́ц языко́м — нэ́ма зу́бів. Дава́й шука́ть...* (ст-ца Гостагаевская) и др. Яркая грамматическая черта кубанского диалекта — дублетные флексии -АХ/-АМ у существительных мн. ч. с предлогом *ПО* при глаголах любого лексического значения. Окончание -АХ характерно для украинского языка XIX в. и его восточных говоров (в них предложный падеж русского языка соответствует

местному падежу) и отсутствует в русском языке и южнорусском диалекте, в том числе донском. Устойчивость данной флексии подтверждается и ее широким функционированием в кубанских говорах с южнорусской языковой основой, в которых она является заимствованной. Стабильные украинские формы личных местоимений *вин, вона, воно, вони* в речи диалектоносителей могут под воздействием аканья менять свою огласовку ([*вана, вано, ваны*]), а также заменяться русскими местоимениями или перемежаться с ними.

Как и в любом живом языке, изменения в области фонетики и грамматики протекают в кубанских говорах достаточно медленно. Ведущая тенденция, определяющая современное состояние кубанского диалекта, заключается в постепенном распространении русских литературных грамматических и фонетических элементов. Однако эти процессы не носят глубинного характера, что способствует относительной устойчивости местных диалектных черт на уровнях фонетики и грамматики.

Что касается диалектного лексического состава кубанских говоров с украинской языковой основой, то он также испытывает влияние русского языка. Показательны выводы, сделанные в 1994 г. ростовским диалектологом Б. Н. Проценко, который провел обследование по комплексной программе первых четырех томов «Лексического атласа русских народных говоров» в ст-це Дядьковской Кореновского района Краснодарского края. Собранные материалы продемонстрировали, что, сохраняя фонетические и морфологические черты, говор этой станицы, имеющий украинскую языковую основу, претерпел колоссальные изменения в области лексики, что проявилось в мощной экспансии русизмов, значительно трансформировавшей словарь [Проценко 1996: 17–19]. Анализ диалектных текстов, запись которых ведется нами с 2005 г., в сравнении с расшифрованными текстами 1970–1980 гг., хранящимися на кафедре современного русского языка Кубанского госуниверситета, демонстрирует сокращение в речи информантов количества лексических единиц материнского языка и их замену общерусскими эквивалентами.

Русификация лексикона носителей кубанских говоров с украинской языковой основой особенно наглядно проявляется в активном использовании украинско-русских синонимов, причем введение русских синонимов в речь может происходить и самопроизвольно, без уточнений модального характера: «у нас так, а у вас так», «это по-хохольски, по-хохлацки», «это по-кубански», «это по-русски». См., напр.: *Хорошо дивчата есть спивають, прям хорошо поють* (хут. Братковский). *Мать на горіице была, а ей што-то подавала на чирдак з дробыны* (ст-ца Елизаветинская). *Пахалы, сёялы, убыралы, молотылы, усэ жэничины работалы, робылы* (ст-ца Новобережанская).

В целом изучение языковой ситуации в кубанских станицах, где исторически складывались говоры с украинской языковой основой, демонстрирует, что на лексическом уровне носители кубанских говоров *от українського у(в)тиклі́* в силу большей проницаемости и динамичности диалектной лексической системы. В области же фонетики и грамматики эти говоры еще *до ру́ського нэ добі́гли*, поскольку материнские фонетические и грамматические черты проявляют в них заметную устойчивость, сосуществуя с русскими литературными, что наблюдается даже в речи одного диалектоносителя.

Литература

- Бондарь Н. И. Что мы знаем друг о друге? Этнографические очерки о народах Кубани // Кубанский краевед. Ежегодник. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1990. С. 132–174.
- Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
- Дегтярев В. И. (ред.). Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.
- Івакін О. П. (ред.). Новый украинско-русский, русско-украинский словарь / відп. за вип. Д. Б. Якунін. Киев: Аконіт, 2004. 576 с.
- Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1960. 184 с.
- Маслов В. Г. Словарь говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области. Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. 122 с.
- Проценко Б. Н. О статусе степных кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994. / отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. С. 17–19.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 29. СПб.: Наука, 1995. 346 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М.–СПб.: Терра – Азбука, 1996. 573 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.–Л.: Наука, 1966. 315 с.
- Чистов Е. В. (отв. ред.). Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.: Наука, 1967. 358 с.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. 400 с.
- Шейнина Е. П., Тарасенкова Е. Ф. (ред.). Русский говор Кубани: Словарь. Краснодар, 1992 // Деп. в ИНИОН РАН. № 47266. 414 с.

References

- Bondar' N. I. [What do we know about each other? Ethnographic stories about the people of Kuban]. *Kubanskii kraeved. Ezhegodnik*. Krasnodar, Krasnodar Book Publ., 1990, pp. 132–174. (In Russ.)
- Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskikh govorov*. [Experience of the dictionary of the Kuban dialects]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2018. 485 p.
- Chistov E. V. (resp. ed.). *Kubanskie stanitsy: Etnicheskie i kul'turno-bytovye protsessy na Kubani*. [Kuban villages: Ethnic, cultural and community processes in Kuban]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 358 p.
- Degtyarev V. I. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva*. [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Russkie Slovari Publ., Astrel' Publ., AST Publ., 2003. 608 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of Russian: In 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Terra Publ., Azbuka Publ., 1996. 573 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 315 p.
- Ivakin O. P. (ed.). *Novyi ukrainsko-russkii. Russko-ukrainskii slovar'* [New Ukrainian-Russian. Russian-Ukrainian dictionary]. Kiev, Akonit Publ., 2004. 576 p.
- Kuznetsov P. S. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1960. 184 p.
- Maslov V. G. *Slovar' govora Dobrinki Uryupinskogo raiona Volgogradskoi oblasti* [Dictionary of a dialect Dobrinki of the Uryupinsk district of the Volgograd region]. Tula, Tula St. Univ. Publ., 2007. 122 p.
- Protsenko B. N. [About the status of steppe Kuban dialects in the Lexical atlas of the Russian national dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)*. 1994 [Lexical atlas of the Russian national dialects (Materials and researches). 1994]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies (RAS) Publ., 1996, pp. 17–19. (In Russ.)
- Shanskii N. M., Bobrova T. A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [School etymological dictionary of Russian]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 400 p.
- Sheinina E. P., Tarasenkova E. F. (ed.). *Russkii govor Kubani: Slovar'* [Russian dialect of Kuban: Dictionary]. Krasnodar, 1992 // Dep. in INIOON RAS, no. 47266, 414 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Vol. 29. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 346 p.